

References

1. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar'. – Rezhim dostupa: <http://www.vseslova.ru/index.php?dictionary=bes,svobodnyj>. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
2. Burak A. L. Dopolnenie k rusko-anglijskim slovarjam; Slova, znachenija slov i vyrazhenija, otsutstvujuwie v rusko-anglijskih slovarjah / A. L. Burak, M. Berdi, V. S. Elistratov. – Moskva : Astrel' : AST, 2001. – 96 s.
3. Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i opisanie jazykov. – Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. – 780 s.
4. Dal' V. I. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka : v 4 t. – Moskva : Terra, 1994.
5. Dolgova I. A. Konceptual'noe pole «terpenie» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2006. – 26 s.
6. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. – Moskva : Russkij jazyk, 2000. – T. 2: P-Ja. – 1008 s.
7. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka: Ok. 57000 slov. – Moskva : Russkij jazyk, 1987. – 797 s.
8. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. – Moskva : Akademicheskij Proekt, 2001. – 990 s.
9. Tolkovij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / pod red. prof. D. N. Ushakova. – Moskva, 1935–1940.
10. Concise Etymological Dictionary of the English Language. – Oxford: Clarendon Press, 1936. – 664 p.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. – London : Longman, 1992. – 1020 p.
12. Oxford Russian Dictionary. – Oxford University Press, 2000. – 2015 p.
13. Webster's Third New International Dictionary of the English language Unabridged. – Encyclopedia Britannica. INC. Chicago, 2001.

**ЭКСПЛИКАЦИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «ОПРАВДАНИЕ»
ПОСРЕДСТВОМ ТАКТИКИ «КОНТРОБВИНЕНИЕ»
В РАМКАХ КОНФРОНТАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ
(на материале немецкого обиходного дискурса)**

Руссу Елена Анатольевна, аспирант, ассистент, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: russuhelen@rambler.ru.

Теория речевых жанров является одной из наиболее перспективных областей исследования в современной отечественной лингвистике. Одним из подходов к изучению речевых жанров является анализ внутрижанровых стратегий и тактик. В настоящей статье рассмотрена одна из базисных речевых тактик «контробвинение» как один из способов реализации речевого жанра «оправдание» в рамках конфронтационной стратегии. Для анализа исследуемой тактики используются методы интерпретативного, компонентного и контекстуального анализа. В ходе исследования выделены языковые средства реализации тактики «контробвинение», которые служат созданию определенного экспрессивного эффекта: эпитеты с ярко выраженной негативной оценкой, слова-интенсификаторы, отрицательно-оценочная лексика, субстандартная лексика. Для успешной реализации коммуникативной задачи исследуемая базисная тактика зачастую дополняется второстепенными, такими, как манипуляция, провокация, игра на повышение / понижение. Выявлено, что оправдание посредством тактики «контробвинение» представляет собой двусторонний феномен, коммуникативной задачей которого является, с одной стороны, стремление оправдать себя, а с другой – дискредитировать партнера по коммуникации (реже некое третье лицо), для чего оправдывающийся избирает определенный языковой инструментарий.

Ключевые слова: речевой жанр «оправдание», конфронтационная стратегия, тактика «контробвинение», коммуникант, коммуникативная задача, обвинение, высказывание, языковые средства.

**THE IMPLEMENTATION OF THE “JUSTIFICATION” SPEECH GENRE
BY MEANS OF “COUNTERACCUSATION” TACTIC WITHIN
THE CONFRONTATIONAL STRATEGY
(based on the german colloquial discourse)**

Russu Elena A., post-graduate student, assistant, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a, Tatishchev st., e-mail: russuhelen@rambler.ru.

Speech genre theory is one of the most promising research area of the modern Russian linguistics. The analysis of the genre strategies and tactics is an approach to the study of speech genres. The article focuses on one of the basic speech tactics – the “counteraccusation” – as a way of the implementation of the “justification” speech genre within the confrontational strategy. To analyze the tactic the author uses an interpretive, componential and contextual analysis. The study establishes the linguistic means which are typical for the “counteraccusation” tactic and have certain expressive power. Among these means there are negative epithets, intensifiers, deteriorative words, substandard vocabulary. According to the article to achieve his / her communicative goals a communicator often combines a basic speech tactic with secondary ones such as manipulation, provocation, dealing for a rise/fall. The author comes to the conclusion that the “counteraccusation” tactic is a bilateral phenomenon, which has two primary goals: to justify himself/herself and to discredit a communicative partner (sometimes a third party). These particular goals determine the language behavior of the speaker.

Key words: “justification” speech genre, confrontational strategy, “counteraccusation” tactic, communicator, communicative goal, accusation, utterance linguistic means.

Антропоцентрическая парадигма в современном языкознании способствовала появлению значительного количества работ, направленных на изучение коммуникативного поведения личности и использования языка человеком говорящим. Одним из подходов к изучению речевых жанров (далее – РЖ) является анализ внутрижанровых стратегий и тактик. До настоящего времени, как известно, не существует единой точки зрения на понятие «речевая стратегия». Нам близка позиция О.С. Иссерс, рассматривающей речевую стратегию как совокупность речевых действий, организованных в зависимости от цели взаимодействия и направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего [2, с. 54]. Подобная трактовка понятия представляется нам наиболее универсальной и всеобъемлющей. Реализация речевых стратегий осуществляется посредством различных тактик [2, с. 110].

Одной из речевых стратегий, используемых при манифестации РЖ «оправдание», является стратегия конфронтации. Ее отличительная черта – это экспликация установки против партнера по коммуникации [1, с. 15]. Как свидетельствует анализ материала, конфронтационная стратегия при оправдании может быть реализована посредством различных тактик, в частности, отрицания вины, перекладывания вины, лжи, возмущения, возражения, контробвинения. Кроме того, функционируя в рамках конфликтного дискурса, РЖ «оправдание» довольно часто реализуется посредством комбинации нескольких тактик.

Остановимся подробнее на тактике «контробвинение» как способе реализации РЖ «оправдание».

Тактика «контробвинение» была рассмотрена в исследовании Е.В. Лаврентьевой, посвященном речевым жанрам «обвинение» и «оправдание». Е.В. Лаврентьева относит контробвинение к конкурирующей тактике, реализующей наступательную стратегию [3, с. 22]. В нашей работе под тактикой «контробвинение» при оправдании мы понимаем определенный набор языковых действий, нацеленных на обличение или разоблачение кого-либо, чаще всего непосредственного партнера по коммуникации. Эта тактика имеет место в том случае, если коммуникант в ответ на предъявляемое обвинение или упрек выдвигает встречное обвинение. Целью тактики кон-

тробвинения является не только оправдание самого себя, но и дискредитация партнера по коммуникации.

Рассмотрим наиболее типичные случаи реализации исследуемой тактики на материале немецкой художественной литературы:

Die Wächter: «*Herr! Wir sollen geprügelt werden, weil du dich beim Untersuchungsrichter über uns beklagt hast*».

К.: «*Nun...ich habe mich nicht beklagt, ich habe nur gesagt, wie es sich in meiner Wohnung zugetragen hat. Und einwandfrei habt ihr euch ja nicht benommen*» [6, S. 43].

В вышеприведенном отрывке К. в ответ на обвинение стражей в том, что их высекут из-за того, что он на них пожаловался, оправдывающийся выдвигает встречное обвинение, заявляя, что и они вели себя отнюдь не безупречно.

«*Dieter hat mich fast umgebracht, und du hast mich vom ersten Moment an mit Margot betrogen*» [7, S. 185].

В данном примере муж упрекает жену в том, что она выгоняет его из дома, хотя он не сделал ничего плохого. В ответ на подобное обвинение жена выдвигает контробвинение в том, что его друг чуть ее не убил, а сам муж изменял ей со своей подругой Марго.

Следует отметить, что контробвинение в рамках исследуемой тактики не всегда адресовано непосредственно партнеру по коммуникации. Обратимся к примеру: «*Bestimmt! (...) Unter uns gesagt, die Juden haben selbst viel Schuld an dem, was heute passiert. Eine Menge Schuld haben sie, das sage ich Ihnen, und ich weiß, was ich sage. Es war vieles nicht notwendig, was sie gemacht haben, und ich verstehe was davon!*» [10, S. 228].

Данный контекст взят из беседы двух евреев. Один из них, Керн, будучи высланным из Германии вследствие антисемитской политики нацистов, вынужден скитаться по всей Европе. Керн справедливо полагает, что в его бедах виновато немецкое правительство и выражает надежду на то, что другой такой Германии не будет, иначе все евреи погибнут. Оппенгейм, сумевший подстроиться под новый режим, категорически не согласен с подобным обвинением и стремится оправдать Германию, используя тактику контробвинения. Он настаивает на том, что в случившемся виноваты сами евреи. Пытаясь обосновать свою точку зрения, он дважды использует лексему «Schuld» («вина»): в первом случае в сочетании с неопределённым местоимением «viel» («многое, многие»), во втором – с устоявшимся сочетанием «eine Menge» («во многом, много»). *Viel* и *eine Menge* в данном контексте служат интенсификации перлокутивного эффекта. Далее прибегая к тактике самопрезентации, Оппенгейм изо всех сил пытается подчеркнуть авторитетность своей точки зрения: «*...das sage ich Ihnen, und ich weiß, was ich sage*». – «*Это говорю вам я, а я знаю, что говорю*»; «*...und ich verstehe was davon...*» – «*В этом я кое-что понимаю...*» (перевод Е. Никаева). По мнению М.Ю. Олешкова, «коммуникативно-речевая тактика самопрезентации имеет целью формирование определенного имиджа» [4, с. 101]. О.И. Иссерс относит тактику самопрезентации к числу статусно-ролевых («игра на повышение / понижение») [2, с. 127]. Целью коммуникативного хода «игра на повышение» является создание положительного образа коммуниканта, возможность представить себя в более выигрышном свете и, тем самым, оказать на партнера по коммуникации определенное эмоциональное воздействие. Отметим, что в рассматриваемом примере тактика самопрезентации (игры на повышение) выступает вспомогательной и направлена на оптимальное решение *общей* коммуникативной задачи говорящего. Вместе с тем, оценивая прагматический заряд высказывания, следует подчеркнуть, что «контробвинение» Оппенгейма в адрес евреев представляется слишком общим, лишенным конкретики («*...Es war vieles nicht notwendig, was sie gemacht haben*». – «*Многое из того, что они делали, не нужно было делать*»).

В следующем примере описан случай реализации тактики контробвинения в РЖ «оправдание», когда говорящий оправдывает не самого себя, а некое третье лицо: «*Was willst du eigentlich? Du hast doch bereits abkassiert, knurrte Paul gereizt. Mama hat dir einen Haufen Kohle überwiesen, und ich bin wie immer leer ausgegangen. Du kannst den Hals wohl nicht voll genug kriegen?*» [9, S. 165].

В рассматриваемом примере оправдание выражено в имплицитной форме: говорящий пытается оправдать желание матери не продавать дом после смерти отца, обвиняя брата в том, что он и так уже получил достаточно денег. Поль искренне возмущен желанием брата выставить мать из собственного дома, о чем свидетельствует выбор наречия *eigentlich* (*в сущности; собственно говоря; на самом деле;*) в иницирующей реплике (*«Was willst du eigentlich?» – «Чего ты, собственно говоря, хочешь?»*) (перевод наш – Е. Р.). Употребление немецкого разговорного глагола *abkassieren* (*собирать деньги с кого-л.*) также эксплицирует пренебрежение, испытываемое Полем по отношению к брату Ахиму. Помимо обиды на брата, Поль испытывает обиду на мать за то, что она уже неоднократно давала денег Ахиму, что выражается в выборе стилистически маркированного интенсификатора *Haufen* (*куча*) в сочетании с разговорным выражением *Kohle* (*бабки, бабло*). В таких случаях Поль оказывался с пустыми руками (*leer ausgehen – остаться ни с чем; уйти с пустыми руками; уйти несолоно хлебавши; остаться с носом*). Более того, судя по всему, подобные ситуации происходили систематически – на повторяемость данной ситуации указывает использование наречия *immer* (*всегда; постоянно; каждый раз*). Заключительная реплика Поля отличается повышенной экспрессивностью благодаря использованию разговорного выражения *den Hals nicht voll genug kriegen* (*быть жадным, ненасытным*).

Согласно О.С. Иссерс, одной из коммуникативных задач обвинения «является информирование об отрицательной оценке» [2, с. 161]. Говоря о разграничении обвинения и оскорбления, М.Ю. Федосюк отмечает, что обвинение не имеет намерения унижить, уязвить, выставить в смешном виде другого [5, с. 69]. Проведенный нами анализ материала свидетельствует о том, что при реализации РЖ «оправдание» в рамках конфронтационной стратегии тактика «контробвинение» зачастую дополняется тактикой «оскорбление». Установленный феномен, на наш взгляд, обусловлен, во-первых, функционированием РЖ «оправдание» в конфликтной коммуникативной ситуации, а во-вторых, интенцией говорящих (не просто оправдать себя, но и предъявить обвинение партнеру по коммуникации). Рассмотрим комбинацию тактик «контробвинение» и «оскорбление» на примере из романа Ингрид Ноль «Der Hahn ist tot» («Мертвый петух»):

S: *«Wenn du es schon weißt, warum fragst du dann».*

T: *«Du denkst wohl, eine alte Schachtel, ein hölzernes Gretchen, müßte gleichzeitig auch noch blöde sein? Ich weiß, mit wem du draußen warst».*

S: *«Du hast uns belauscht...und zwar, weil du ihn selber willst. Pfu! Spinne, ich finde das zum Kotzen!»*

T: *«Scarlett, wie du dich affigerweise nennst, was du gemacht hast, ist natürlich edel und anständig».*

S: *«"Ich habe wirklich nichts Unrechtes getan", sagte sie, "aber wenn prüde und zu kurz gekommene Jungfern hinter allem und jedem Sünde wittern und andere Menschen belauschen, dann ist das für mich der Inbegriff von Schlechtigkeit"» [8, S. 163–164].*

Данный пример представляется весьма интересным с точки зрения реализации РЖ «оправдание». Тира осведомляется у Скарлетт, ложилась ли та спать. Вопрос является наводящим, поскольку ответ совершенно очевиден. Скарлетт избирает конфронтационную стратегию, замечая, что не стоит задавать вопрос, раз ответ и так известен. Тира, крайне возмущенная подобным замечанием, обвиняет Скарлетт в том, что она тайком от мужа встречалась с его другом (*«Ich weiß, mit wem du draußen warst»*). При этом Тира от имени Скарлетт использует статусно-ролевую тактику самопрезентации, а именно коммуникативный ход «игра на понижение». Поскольку цель хода «игры на понижение» – разрушение имиджа, Тира отмечает, что Скарлетт, вероятно, считает ее «старой каргой» (*eine alte Schachtel – старая карга, старая дева, старая перенница*; разговорный, фамильярный стиль), выжившей из ума (*blöde sein – быть тупым, глупым, слабоумным*). В ответ на обвинение в неверности своему мужу Скарлетт предъявляет Тире встречное обвинение в том, что она подглядывала за ними (*belauschen – подглядывать, (тайно) наблюдать (следить) за кем-либо*), по-

сколько сама влюблена в Витольда (*weil du ihn selber willst*). Скарлетт называет данный поступок «гадким» (*Pfui Spinne* (возглас отворачивания) – фу-ты, пропасть (гадость)) и заявляет, что ее тошнит от подобного поступка («...*ich finde das zum Kotzen*» (вульгаризм) – меня от этого тошнит). В свою очередь, Тира предпринимает очень интересный стратегический ход, дополняя тактику контробвинения тактикой оскорбления и тактикой иронии. Она заявляет Скарлетт, что та слишком много о себе воображает (*affig* (фамильярный стиль) – мнящий о себе, тщеславный) и иронично замечает, что все, что делает Скарлетт, благородно (*edel*) и порядочно (*anständig*), намекая на ее тайные встречи с Витольдом. Высказывание Скарлетт тоже представляет собой комбинацию нескольких тактик: контробвинение, отрицание вины и оскорбление. В иницирующей реплике своего оправдания она сообщает, что не сделала ничего предосудительного («*Ich habe wirklich nichts Unrechtes getan*»). Сочетание неопределенного местоимения *nichts* и наречия *wirklich* является своеобразным языковым маркером тактики отрицания вины и используется для усиления семантики отрицания. Далее Скарлетт вновь обвиняет Тиру в том, что та шпионит за людьми, попутно обзывая ее «жеманной старой девой». Скарлетт называет поведение Тиры воплощением низости. Эмотивная функция языка в данной реплике реализуется за счет обилия эмоционально окрашенных лексических единиц (*prüde* – жеманный, чопорный; *Jungfern* (разговорный стиль) – старая дева; *Schlechtigkeit* – низость, подлость, зло).

В некоторых случаях обвинение, выдвигаемое оправдывающимся, в силу тех или иных причин носит не столь категоричный характер. Обратимся к примеру: «*Na, nichts für ungut, Rosi. Ich wollte die höhere Tochter nicht beleidigen. Eigentlich bin ich nur wild geworden, weil mich die Bullen nerven. Und das verdanke ich wahrscheinlich dir. Die denken, ich hätte mich mit Beate zum Sektfrühstück verabredet, sie hätte mir dabei eröffnet, daß sie einen anderen liebt, und ich hätte sie dafür abgemurkst. – Sie wissen nämlich auch, daß ich mit Beate schon einmal früher auf diesem Turm war, das hast du ihnen wohl auch erzählt*» [8, S. 109].

В данном оправдательном высказывании иницирующая реплика Юргена и обращение по имени (*Rosi*) призваны смягчить дальнейшие слова («...*nichts für ungut*...» – «Не в обиду будь сказано»). Далее говорящий вновь отмечает, что он не хочет обидеть Розы, иронично называя ее «благородной девицей» (*höhere Tochter*), тем самым намекая на ее незамужнее положение. Юрген объясняет причину своих нападков на Розы тем, что его замучила полиция. Представляется интересным выбор лексики: высокопарный стиль (*höhere Tochter*) во втором предложении сменяется разговорным в третьем (*wild sein* – быть в ярости; *die Bullen* – менты, легавые). Говорящий высказывает предположение, что в его проблемах с полицией виновата Розы. Выбор коммуникантом наречия *wahrscheinlich* актуализирует некатегоричность выдвигаемого обвинения. Обращает на себя внимание использование глагола *abmurksen* (укокошить, прикончить; вульг., фамильярный стиль). В своей заключительной реплике Юрген также упрекает Розы в том, что она рассказала полиции о его походах с погибшей подругой на башню. Использование коммуникантом лексики *wohl*, которая относится к классу модальных частиц и выражает предположение с малой степенью уверенности (*wohl* – может быть, вероятно), призвано подчеркнуть некатегоричный характер обвинения.

Стоит отметить, что при реализации тактики контробвинения оправдывающийся зачастую соглашается с предъявляемым ему обвинением:

«*Kind, du hast mich mißverstanden, natürlich gehörs du auch zur Familie*», sagte sie, »aber manchmal bist du konservativer als wir Alten!»

«*Damit meinst du wohl eher spießig*», konterte Annette gereizt, »aber lieber möchte ich eine Spießerin sein als eine Heuchlerin wie du!» [11, S. 168].

Исследуемый пример представляет собой отрывок из беседы свекрови и снохи, в котором свекровь пытается отговорить сноху от покупки черного костюма только ради похорон свекра. Хелена указывает своей снохе Аннетте на то, что она не кровная родственница и упрекает ее в излишней консервативности. Пытаясь смягчить свое высказывание, свекровь ласково называет Аннетту «*Kind*» (детка). Однако

обиженная сноха воспринимает данный намек по-своему, утверждая, что под «консерватизмом» свекровь подразумевает «мещанство» («*Damit meinst du wohl eher spießig*»). В ответ на подобный упрек Аннетта наносит свекрови ответный удар (*kontern* – *дать резкий отпор; выдвигать контраргумент; возражать*), заявляя, что уж лучше быть мещанкой, нежели такой лицемеркой, как она («...*aber lieber möchte ich eine Spießerin sein als eine Heuchlerin wie du!*»). Прибегая к использованию противительного союза *aber* в оправдательной реплике, коммуникант выражает частичное согласие с мнением партнера по коммуникации. Чувствуя некую долю здравого смысла в словах свекрови, но будучи не в состоянии ответить так же деликатно, как Хелена, Аннетта использует один из приемов манипуляции – подмену понятий (консерватизм – мещанство). Манипуляция, в частности, провокация определенных речевых действий, призвана спровоцировать Хелену на выдачу информации, которая может негативно сказаться на ее имидже матери и жены. Сноха не просто оскорбляет свекровь, она намекает на то, что Хелена отнюдь не опечалена смертью своего мужа, поскольку изменяла ему. Провоцирующие речевые действия, как правило, стилистически маркированы (*Heuchlerin* – *лицемерка, притворица, симулянтка*), поскольку направлены на то, чтобы побудить собеседника раскрыть его истинную сущность.

Каждая тактика имеет относительно стойкие композиционно-стилистические особенности, обусловленные определенным смысловым наполнением. Тактика «контробвинение» направлена, с одной стороны, на оправдание своих собственных действий (в некоторых случаях действий третьего лица), с другой – на дискредитацию партнера по коммуникации посредством предъявления встречного обвинения. На уровне языкового воплощения исследуемая тактика чаще всего реализуется при помощи следующих средств:

- эпитеты с ярко выраженной негативной оценкой: *einjämmerlicher* (*жалкий, ничтожный*) *Hurensohn*; *einholzernes* (*неловкий, неуклюжий, неповоротливый*) *Gretchen*;

- слова-интенсификаторы: *viel Schuld*; *eine Menge Schuld*;

- отрицательно-оценочная лексика: *Pfui Spinne*; *Schlechtigkeit*;

- субстандартная лексика: *alte Schachtel*; *zum Kotzen*; *Jungfern*; *affigerweise*; *die Bullen*.

Таким образом, мы можем заключить, что оправдание посредством тактики «контробвинение» представляет собой двусторонний феномен, коммуникативной задачей которого является, с одной стороны, стремление оправдать себя, а с другой – дискредитировать партнера по коммуникации (реже некий третий субъект), для чего оправдывающийся избирает определенный языковой инструментарий, а также некоторые вспомогательные тактики и приемы. Выбирая исследуемую тактику для реализации оправдания, коммуникант, как правило, не ограничивается одной лишь данной тактикой и прибегает к использованию ряда вспомогательных тактик и приемов, таких, как манипуляция, провокация, игра на повышение / понижение. Проведенный анализ позволяет отметить, что приемы и тактики неразрывно вплетаются в структуру оправдательного высказывания и, действуя в совокупности, способствуют успешному достижению коммуникативной задачи. Рассматривая языковую экспликацию РЖ «оправдание», следует отметить, что она зависит от типа дискурса, социального статуса партнеров по коммуникации, а также ситуации общения. РЖ «оправдание», функционирующий в обиходном дискурсе, в значительной степени отличается от оправдания в институциональном дискурсе не только за счет большего разнообразия тактик и приемов, но и за счет использования речевой агрессии и инвективных средств.

Список литературы

1. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. И. Гулакова. – Орел, 2004. – 19 с.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : КомКнига, 2006. – 288 с.

3. Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Лаврентьева. – Новосибирск, 2006. – 23 с.
4. Олешков М. Ю. Ментальность дискурсивно-речевого пространства (на примере фреймов дидактической ситуации) / М. Ю. Олешков // Дискурс, культура, ментальность : коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. – Н. Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2011. – С. 88–108.
5. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М. Ю. Федосюк // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1997. – № 5. – С. 66–87.
6. Kafka F. Der Prozeß / F. Kafka. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. – 320 S.
7. Noll I. Die Apothekerin / I. Noll. – Zürich : Diogenes, 1994. – 256 S.
8. Noll I. Der Hahn ist tot / I. Noll. – Zürich : Diogenes Verlag AG, 1993 A. – 266 S.
9. Noll I. Rabenbrüder / I. Noll. – Zürich : Diogenes, 2005. – 288 S.
10. Remarque E.-M. Liebe Deinen Nächsten. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2004. – 454 S.

References

1. Gulakova I. I. Kommunikativnye strategii i taktiki rechevogo povedeniya v konfliktnoj situacii obvenija [Communicative strategies and tactics of the language behavior within the conflict communicative situation] : atorefer. dis. ... kand. filol. nauk. – Oryol, 2004. – 19 s.
2. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]. – Moskva : KomKniga, 2006. – 288 s.
3. Lavrentieva E. V. Rechevye zhanry obvineniya i opravdaniya v dialogicheskom edinstve [Accusation and justification speech genres in the dialogical unity] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2006, 23 s.
4. Oleshkov M. Yu. Mental'nost' diskursivno-rechevogo prostranstva (na primere frejmov didakticheskoy situacii [Mentality of discourse and speech space]. – N. Tagil : Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Academy, 2011. – 526 s.
5. Fedosyuk M. Yu. Issledovanie sredstv rechevogo vozdejstvija i teorija zhanrov rechi [The study of linguistic manipulation means and speech genre theory]. – Saratov : Kolledzh, 1997. – № 5. – S. 66–87.
6. Kafka F. Der Prozeß. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. – 320 S.
7. Noll I. Die Apothekerin. – Zürich : Diogenes, 1994. – 256 S.
8. Noll I. Der Hahn ist tot. – Zürich : Diogenes Verlag AG, 1993 A. – 266 S.
9. Noll I. Rabenbrüder. – Zürich : Diogenes, 2005. – 288 S.
10. Remarque E.-M. Liebe Deinen Nächsten. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2004. – 454 S.

КОМПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ «СЛОВАРЯ ВОРОВСКОГО И АРЕСТАНТСКОГО ЯЗЫКА» В.М. ПОПОВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Рябичкина Галина Владимировна, доктор филологических наук, директор Института непрерывного образования, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: ryabichkinagv@yandex.ru.

В статье предпринята попытка анализа мега-, макро- и микроструктуры одного из самых знаковых словарей русскоязычной просторечной лексикографии на заключительном этапе ее дореволюционного исторического периода «Словаря воровского и арестантского языка» В.М. Попова.

Ключевые слова: социолексикография, композиционный анализ, мега-, макро- и микроструктура, просторечие.